

А. Липкин,

доктор философских наук

Прав ли Р.Пайпс?

Известный американский советолог, профессор Р.Пайпс формулирует основной вопрос о сущности и причинах прихода к власти большевиков во главе с Лениным следующим образом: «Был ли захват власти, осуществленный большевиками, народной революцией или заурядным переворотом; вынесла ли большевиков на гребень власти волна широкой поддержки со стороны масс или же они украли власть, как тать в нощи?». Два предлагаемых на него типа ответов, согласно Пайпсу, выглядят так: «Западные историки – особенно представители младшего поколения – все сильнее и сильнее склоняются к советскому взгляду на вещи, согласно которому в октябре 1917 г. и впрямь произошла народная революция, в ходе которой действия большевиков определялись давлением широких масс. Мой тезис полностью противоположен... Я постулирую ... тот тезис, согласно которому ни в падении царизма, ни в захвате власти большевиками не было ничего заранее предопределенного...»¹.

Мне же лично представляется, что в событиях 1917 г. можно рассматривать, по крайней мере, два независимых потока: поток народного бунта, сметшего старый режим, и поток кандидатов на освободившиеся места. У кандидатов были свои цели и свое видение того, что происходит. Оставляя в стороне будоражащий воображение Пайпса вопрос о том, что было бы, если бы вечером 24 октября 1917 г. Ленин не смог добраться до Смольного и могли ли какие-то другие кандидаты прийти к власти, я акцентирую внимание на следующем. Результатом народного бунта в крестьянской стране закономерно должно было стать новое воплощение самодержавной системы правления во главе с новым самодержцем. Ответ на вопрос, в какие институты это могло бы оформиться, мог ли установиться

---

¹ Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М.; СПб.: Atheneum, 1996. С.11-12.

авторитарный, а не тоталитарный, режим и как официально стал бы называться новый самодержец – царем, президентом, генсеком или как-то еще, – я оставляю открытым. Я буду исходить из того, что именно большевикам во главе с Лениным удалось "оседлать" народный (крестьянский) бунт и занять освободившиеся места, и буду рассматривать соответствующие потоки. Из этого следует, что приход к власти большевиков не является "заурядным переворотом", каковыми являлись дворцовые перевороты XVIII века; широкие массы взбунтовались против начальства. Они имели в качестве определенных социально-экономические (в широком смысле, включая вопрос о собственности на землю) требования. Таким образом, вопреки Пайпсу, события "октября 1917" нельзя характеризовать как "государственный переворот без опоры на массы"; восстание масс сыграло роль "ветра", воспользовавшись которым, большевики пришли к власти.

При подходе к анализу истории России вообще и советского периода, в частности, многие западные «ортодоксальные» историки старшего поколения утверждали, что, сравнивая русскую историю с историей европейской, подмечаешь, что российское государство с самого начала «строилось» сверху куда в большей мере, чем «вырастало» снизу. Народ был всего лишь объектом приложения власти. В этом отношении Россия весьма походила на восточные государства². Соглашаясь с утверждением о похожести России на восточные государства, я хочу указать, что такой анализ истории России смешивает посредническо-управленческую прослойку (включающую интеллигенцию) с народной массой. Утверждения о «строительстве сверху» справедливы по отношению к посредническо-управленческой прослойке, но не к народной массе. Поэтому большинство из них полагает, что принципиальными причинами падения режима (царского) в 1917 г. были обстоятельства политические, а не экономические или социальные.

Но ведь бесспорно, что в стране с конца XIX века шло несколько параллельных процессов.

С одной стороны, росли города и интеллигенция³, разнородная, но объективно оппозиционная царизму в своей массе. Явная неэффективность власти Николая II, поражения на фронтах Первой мировой войны привели к потере

---

² См.: Р.Пайпс. Указ соч. С. 21.

³ "За последние два десятилетия XIX в. интеллигенция претерпела коренные изменения. Значительно увеличилось в ней число представителей либеральных профессий: профессоров, преподавателей, служащих земств. Интеллигенция стала "третьей силой" (300 тыс. человек), она начала образовываться в социальную группу, потенциально готовую следовать демократическим призывам" (См.: Верт Н. Истори советского государства. М., 1992. С. 20).

поддержки царской власти со стороны широкого посредническо-управленческого слоя и со стороны городских слоев. Это вылилось в Февральскую революцию 1917 г., которая была с воодушевлением встречена разнообразными кругами как интеллигенции (включая большую часть офицерства), так и городского населения, воспринявших ее как буржуазно-демократическую революцию.

Но параллельно этому шел другой процесс – росло недовольство крестьянства. Его положение сильно ухудшилось - в 1900 г. он в целом был беднее, чем в 1800 г. Аграрный кризис обострился в силу ряда причин. К тому же демографические изменения приводили к нехватке пахотной земли в европейской части России, где находилась основная масса населения. При этом увеличивалась доля молодежи в крестьянской массе, делала последнюю менее стабильной и склонной к радикализации настроений, направленных, в первую очередь, на захват помещичьей земли.

Длительная кровопролитная война с нечеткими целями и частыми поражениями, при видных всем плохих организации и снабжении, способствовали падению престижа властей. В этих условиях лозунги "Земли!" и "Мира!" легко подняли солдатско-крестьянскую массу на бунт, а Февральская революция стала толчком к его началу.

В результате победили большевики.

Уместно было бы сделать еще одно важное замечание. Для внешнего мира Великая Октябрьская революция (ВОСР), безусловно, воспринималась многими как образец победившей революции. Она имела последователей в аграрных странах (Китай, Вьетнам, Латинская Америка) и значительную пролетарскую поддержку в Европе. Страхи её правящих кругов перед ростом левых настроений стимулировали построение в Европе социальных государств "всеобщего благосостояния". Революционные события в России, безусловно, имели всемирно-историческое значение в XX веке. И для большевиков, и для их оппонентов на Западе, и для сочувствующих левым социальным слоям Запада и Востока Советская Россия была страной, где доминировали идеи социальной справедливости победившего социализма.

У революционеров разного типа, включая большевиков, особенно в начале, были красивые лозунги и провозглашаемые цели, замечательные слова про свободу, равенство и братство людей. Победившие в Гражданской войне

большевики первой волны безусловно ставили себе целью мировую социалистическую революцию⁴, но реальность брала свое.

Реальность же состояла в том, что в 1917 г. начался бунт солдатско-крестьянской *народной массы* (хотя важную роль "запала" сыграли волнения в столице среди масс городских обывателей, вызванные перебоями в снабжении продуктами⁵, рабочих и Петроградского гарнизона⁶, боявшегося быть отправленным на фронт). Этот бунт смел старое наполнение отвечающих самодержавной системе правления мест, включая место самодержца, и сделал их вакантными. Среди кандидатов на занятие опустевших мест образовалось два противостоящих лагеря – "красных" и "белых", борьба между которыми и составляла суть Гражданской войны (многочисленные "зеленые", выступавшие под анархическими лозунгами, были естественным, но лишь сопутствующим элементом бунта). Окончанием этой войны следует считать момент, когда был решен вопрос о том, какой лагерь займет опустевшие места в самодержавной системе правления. Что считать этим моментом: официальное окончание Гражданской войны в 1921 г., введение НЭПа (не введи большевики НЭП, неясно, не начался ли бы бунт снова) или "великий перелом" 1929 г. - требует особого анализа. Скорее всего, этим моментом является решение в рамках НЭПа самых насущных проблем и принятие стратегического решения о его скором сворачивании, совпадающим с установлением власти Сталина.

Внутри лагеря красных шла своя сложная политическая борьба за лидерство и власть (у белых тоже, но они проиграли и потому их борьба менее значима): во-первых, за то, кто займет место "самодержца", а во-вторых – места в управляющей прослойке. Ленин выиграл эту борьбу на первом этапе – этапе Гражданской войны. Народные массы признали в качестве правителей Ленина и большевиков – представителей наиболее радикальной линии революционно-народнической интеллигенции. Ленин безусловно занял место народно признанного царя. После его ухода начался второй этап внутривластной борьбы в стане большевиков, которую выиграл Сталин. При нем окончательно сформировался *советский вариант* самодержавной конфигурации правления с

---

⁴ Интересно, что в чем-то похожие мотивы были и в настроениях либерального Временного правительства в 1917 г., по мнению которого "только победа (в Первой мировой войне. – *А.Л.*) могла укрепить связь нового режима и западных демократий, консолидировать общество и, может быть, положить конец революции" [Верт Н. Указ соч. С. 81].

⁵ См.: Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М., СПб.: Atheneum, 1996. С. 26.

⁶ "Насчитывавший 240 тыс. человек и представлявший собой единственную силу, способную сорвать замыслы большевиков" (Там же. С. 64).

генсеком-самодержцем во главе и формируемой им на основе компартии *управляюще-посреднической прослойкой*.

Часто этот процесс описывают как устанавливающийся не снизу, а сверху, со стороны Сталина, "который пытался с помощью террора преобразовать систему убеждений, унаследованную от ленинских времен, в систему, в которой бы он сам, наиподлейший правитель в российской истории, фигурировал бы как объект благоговейного обожания для своего народа"⁷. Я утверждаю, что базовый процесс, задававший места, шел "снизу". Тот, кто сможет занять и удержаться на месте самодержца становится объектом почитания для народной массы, таково атрибутивное качество этого места.

Это подтверждает история Китая и других крестьянских стран победившего социализма. Везде, где в основе лежит крестьянское восстание (бунт, который надо сравнивать с пугачевским), последнее ведет не к представительной демократии (не было для этого социальной базы), а к новой упрощенной (без высокой культуры) реализации самодержавной системы. Путь к последней лежал через фазу прямой демократии, которую предлагали анархисты, с одной стороны, и Советы – с другой. Все это сопровождалось политической борьбой (схваткой) за занятие соответствующих мест.

На словах (в утопиях) – демократия (и идея мировой социалистической революции) была, но в реальности – быть не могла. Идея Советов, *по виду* напоминавших представительную демократию⁸, не могла ее обеспечить. Для устойчивого поддержания демократии необходимо институциональное разделение властей (исполнительной, законодательной и судебной, да еще и свободной прессы). Советы этого не предполагали, поэтому были лишь кратковременной переходной формой к новому самодержавию⁹.

То, что компартия провозгласила себя руководящей силой, а в послесталинский период периодически утверждала коллективный характер руководства (в виде политбюро), провозглашала запрет на совмещение высших государственных постов у одного лица, ничего не меняет. Более того, постоянное

---

⁷ [Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 95-96.

⁸ Советы сравнивают с вече, то есть с прямой демократией, делая упор на отсутствие разделения властей. Они содержат и это, и зародыш представительной демократии в системе выборов. Это незрелая переходная форма. (См.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или начало. М., 2005).

⁹ Более ранний пример – судьба Земского собора, сыгравшего выдающуюся роль в выходе из Смуты начала XVII в. После окончания чрезвычайной ситуации "население относилось к выборам своих представителей все более равнодушно, а сами они своей миссией начинали тяготиться, рассматривая ее как "соборную повинность"" [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, с. 231]. Аналогично в 1917 "профессиональные политики... вытеснили беспартийных активистов" в Исполкоме Петроградского Совета, то же имело место и в других советах [Верт, с. 75].

воспроизводство по сути единоличной самодержавной власти (Хрущев, Брежнев) говорит об обратном – этот "коллективный характер руководства", как и, в свое время, Советы – лишь переходная стадия к стабильной самодержавной конфигурации правления. Не суть важно, что выступало в качестве поддерживающей эту структуру массы – народ, или КПСС, или, скорее всего, и то, и другое, ибо массы КПСС были порождены народной массой. Во всяком случае, известный исторический материал, приводимый Ахиезером, Клямкиным, Яковенко не противоречит центральному утверждению данной статьи, что стабильность самодержавной системы (конфигурации) правления обусловлена не управляющей прослойкой (в советское время – коммунистической партноменклатурой), а народной массой¹⁰. Подчеркну, речь идет о структуре, а кто и как окажется в роли самодержца и управляющей прослойки и смогут ли они там удержаться – это уже второй вопрос, который здесь почти не рассматривается. Периодически образуются свободные места и те, кому в них удается удержаться (Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин), попадают в историю. Свято место пусто не бывает (это относится и к управляющей прослойке).

Была воссоздана и третья компонента официально-державной народнической триады. В ней место православия заняла коммунистическая утопия, к которой относились как к религии, причем и в коммунистической вере можно легко различить "нестяжательское" (идея мировой социалистической революции) и "иосифлянское" (официально-самодержавное) направления. Относительно легкий массовый переход от православия к коммунизму (после революции) и обратно (в 1990-х) говорит о том, что важно не православие, как христианская религия, а его *социалистическое* содержание (христианское, коммунистическое или даже националистическое – не столь существенно) – описанный выше "народный" идеал "социальной Правды" [Клибанов]. Это подтверждает и параллель народного характера войны во время Великой Отечественной войны (ВОВ) под коммунистическими лозунгами (несмотря на недавний беспредел в деревне, учиненный советской властью) и Отечественной войны 1812 г. под православными лозунгами (несмотря на крепостничество). Подобные метаморфозы наблюдаются и в Китае. Популярность коммунизма

---

¹⁰ В этом плане я не вижу принципиальной разницы между колхозом и общиной, на которую делают акцент Ахиезер, Клямкин, Яковенко. Коллектив колхоза или завода столь же (если не более, ибо форма работы и собственности стала более обобщественной) коллективен, как и община. В рассматриваемом мной ракурсе наличие или отсутствие "вечевого" идеала не принципиально.

связана не с типом религии (сравните [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, с.603]), а с типом общества (то, что в исламском мире коммунизм не популярен, скорее всего, связано с тем, что там религия регулирует и повседневную жизнь (шариат) и тем, что социализм в значительной степени свойственен самому исламу).

Итак, в советской России была воспроизведена самодержавная система правления, но с новым человеческим, социальным и институциональным наполнением.

Одним из моментов, отличающих советскую Россию от царской, состоит в том, что в довоенный период удавалось пополнять посреднический слой из самой основы – рабоче-крестьянской массы. В рамках принятой идеологии рабочие и крестьяне ставились выше чиновников (партийных, административных, хозяйственных "слуг народа") и интеллигенции (прослойки). Но главное - были созданы особые культура и образование, в которых была оставлена западная научно-техническая часть¹¹, обеспечивающая программу по достижению уровня военно-технического развития Запада (индустриализация), и усечена вся западная гуманитарная составляющая. То есть была осуществлена почвенническая программа Николая I ("самодержавно-православная")¹², но на базе коммунистической идеологии марксизма-ленинизма и культуры соцреализма (именно он был отобран из богатого спектра направлений в культуре, возникших в революционных 1920-х, в качестве наиболее адекватного для этой новой общности).

"Литература, искусство, кино переживали процесс организационной и идейной унификации. Идеология "социалистического наступления" характеризовалась свертыванием многообразия процессов духовной жизни, присущих 20-м годам, и утверждением монополизма, вождизма и культового сознания. В апреле 1932 г. ЦК партии принял постановление о перестройке литературно-художественных организаций, призванное преодолеть их раздробленность, кружковую замкнутость и "отрыв от политических задач

---

¹¹ К концу первой пятилетки (1929-1932) было охвачено "обучением в начальной школе 98% детей в возрасте от 8 до 11 лет (в 1927/28 г. – 51.4%). Одновременно велась работа по обучению неграмотных и малограмотных... Выпуск специалистов из технических вузов был увеличен в 4 раза, из техников в 6.5. За 1929-1932 гг. в вузах подготовлено 170 тыс. специалистов, за 1933-1937 – 370 тыс. Всего из вузов и техникумов за 1928-1937 гг. вышло около 2 млн специалистов... В середине 30-х гг. после ряда левацких экспериментов 20-х удалось создать эффективную систему образования". ... Всего в СССР к весне 1929, насчитывалось 1227 научных учреждений... Большинство были сосредоточены в Ленинграде, Москве, Харькове). См.: Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России 1917-2004. Уч. пос. М., 2005 С. 235-237.

¹² Символически перенос столицы в Москву, поскольку на базе новой идеологии была воспроизведена Московское царство.

современности". В литературе и искусстве насильственно насаждался "творческий" метод "социалистического реализма", который требовал изображать действительность в "социалистической перспективе"... Утверждению основ новой идеологии и культуры служили не только созданные в 30-е годы единые организации творческой интеллигенции (союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов), но и цензурные органы (Главлит, Главискусство, Главрепертком), осуществлявшие идеологический контроль за деятельностью творческих организаций, проведением выставок, конкурсов, выпуском кинофильмов, репертуаров театров. Этим же целям служили «чистки» библиотек и передача на «спецхранение» научных трудов, художественных и публицистических произведений, не укладывающихся в новую систему ценностей, Сознательное игнорирование этих установлений, как и отклонение художников от партийной линии, вело к разного рода неприятностям — исключению из союза, лишению возможности обнародования произведений (а значит, и материальных благ), прямым репрессиям"¹³.

Продукты соцреализма ("Веселые ребята", "Кубанские казаки" и др.), которые естественно не отражали реальную жизнь, а строили утопии, были адекватны устремлениям и представлениям о светлом будущем Страны Советов для значительной массы населения, особенно молодежи, составлявшей главный ресурс системы (у них тогда еще не было раздвоения на "официальную" и личную идеологию, характерного для 1970-1980-х гг.).

В идеологии "30-е годы связаны с целой серией кампаний по критике и переосмыслению состояния философии, политэкономии, искоренению враждебных взглядов и теорий. Наиболее значимым оказалось переосмысление роли исторической науки и образования как наиболее действенных средств контроля над памятью народа и формирования патриотических чувств. ... 29 марта 1934 г. Политбюро «признало необходимым восстановить с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, а затем в Томском, Казанском, Ростовском и Саратовском». С открытием исторических факультетов в университетах началась кампания по пересмотру отношения к истории страны, восстанавливалась преемственность в развитии истории Российской империи и СССР.

На этой коллективной советской идеологии и культуре и в сталинских –1930-х – 1940-х, и в послесталинских 1950-х – 1960-х процветал достаточно массовый общественный патриотизм и энтузиазм, особенно у молодежи, которая тогда составляла большую часть активного населения. Энтузиазм "строек коммунизма"

---

¹³ Барсенков А.С., Вдовин А.И. Указ соч. С. 241-243.

как довоенных, так и послевоенных (целина и др.) не является чисто пропагандистским вымыслом.

В работе Ахиезера, Клямкина, Яковенко говорится о невозможности реализации личностного потенциала и инициативы на базе "беззаветного служения", без частной собственности и связанного с ней частного интереса. Но это не совсем так. Ярким примером здесь служит история послевоенного ракетостроительного военно-промышленного комплекса (ВПК). К концу 1950-х годов наше продвижение здесь было настолько велико, что тогдашний президент США Джон Кеннеди провозгласил отставание США от СССР в сферах ракетостроения и системы математического и естественнонаучного образования.

Основой этого успеха служила не "частная собственность и связанный с ней частный интерес", а дух соревнования (весьма азартного). "Социалистическое соревнование" бригад и предприятий в гражданской сфере тоже не всегда были показухой и фикцией и часто вызывали азарт и энтузиазм у их участников. Но ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве оно "погоды не делало", на что справедливо указывают Ахиезер, Клямкин и Яковенко. Однако в науке и связанном с ВПК техническом конструировании дело обстояло иначе¹⁴. Здесь очень многие работали не за деньги и не за страх, а, сознавая важность этого для укрепления могущества страны, из азарта и ради наслаждения творчеством, причем творчеством коллективным.

Коллективный труд в хорошем коллективе часто доставляет особое удовольствие, не зависящее от суммы вознаграждения. Оптимистические картинки "Кубанских казаков" и других произведений "соцреализма" были очень далеки от реальности, но были адекватны господствующему в то время массовому коллективному типу сознания и коммунистической утопии, которая в то время вдохновляла многих. Реалии типа ГУЛАГа до сознания основной массы населения не доходит (точнее, из него вытесняется (по Фрейдю)). И это не просто официальная версия, поддерживаемая репрессивной системой, – это было типом восприятия (и убеждений) значительной, если не основной, части населения; это характерная черта данного типа сознания. Та же картина имела место в свое время в Германии, а позже – в Китае.

---

¹⁴ Основная причина этого состояла не в введении конкуренции между тремя ракетными центрами (фирмами), о которых говорят Ахиезер, Клямкин, Яковенко. На самом деле поразившие мир результаты полетов в космос были достижением одной фирмы – фирмы Королева, которая очень быстро сконцентрировалась на мирном космосе, оставив разработку чисто военных ракет другим фирмам.

На этой базе была создана новая общность коллективистского типа – *советский народ*. Точнее это была цивилизационная, а не национальная общность, которая являлась естественным продолжением московской и петербургской России. Все это разные периоды истории одной и той же российской цивилизационной общности¹⁵.

Перед этим «новомосковским царством» (символично, что и столица вернулась в Москву) встали прежние задачи – военная конкуренция с Западом. Для решения этого, наряду с административно-посредническим слоем в виде партноменклатуры, пришлось воссоздавать европейскую систему образования и интеллигенцию. Правда, поначалу, для нее удалось создать особую социалистическую культуру и коллективистскую в своей массе интеллигенцию (рабоче-крестьянскую в первом поколении).

Что же привело затем, в конечном счете, к разрушению этой системы после победы в ВОВ?

Думаю, что одна из главных причин – ограниченность возможностей простого экстенсивного роста системы. Очень важными, если не определяющими, факторами были урбанизация общества и повышение уровня его образования. К концу 1930-х годов в городах жила уже половина населения (а сегодня 73%, причем большинство представляют горожане не в первом поколении), т.е. в значительной степени осуществлена урбанизация. Вместе с ликвидацией отставания – примерно на два столетия – от развитых стран в области народного образования, в массовое сознание были внедрены представление о преимуществе социализма, построении светлого будущего (обострившиеся во время ВОВ) и даже понятия права и законности, пусть, в социалистической упаковке и во многом лишь на словах. Возможности удовлетворить активную часть населения, особенно молодую, простым уходом из деревни резко сократились, хотя бы из-за того, что теперь их было много уже в городе. Кривая простого экстенсивного роста выходила на насыщение, т.е. приближалась эпоха застоя. Это стало проявляться и отчасти осознаваться в различных формах после этапа послевоенного восстановления народного хозяйства, т.е. где-то на границе 1940-х и 1950-х.

---

¹⁵ Внутри нее приблизительно с 1970-х гг., особенно интенсивно после празднования 50-летия образования СССР, в рамках которого была стимулирована рефлексия исторических корней союзных и автономных республик, начинается возрождение, а где не было предтеч, то и формирование национальных культур и историй и консолидирующихся вокруг них национальных сообществ.

Один из главных источников разрушения этой системы, по-видимому, следует искать в появлении образованных интеллигенции и управленцев второго поколения при отказе от сталинской системы массовых репрессий плюс послевоенный эффект отложенных ожиданий. Это привело к индивидуализации сознания представителей этого посреднического слоя (запустили процесс), затронувшего и массу горожан.

Но эти процессы в послевоенном обществе, начавшем двигаться в постсоветском направлении, требуют отдельного анализа.

См. также на эту тему:

Липкин А.И. "Российская самодержавная система правления" // ПОЛИС (Политические Исследования) 2007 (3), с. 39-51
(<http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/3/4.htm>)

или в сб.: **«Российское государство: вчера, сегодня, завтра»** / Фонд «Либеральная миссия»

8 916 953 5292

arkadiy.lipkin@gmail.com

<http://civilizations.rsu.ru/>

<http://philosophy.mipt.ru/publications/works/lipkin/civilization/>